

УЭЙН ДАЙЕР, ЛИНН ЛАУБЕР

Великая мудрость прощения

*Как освободить подсознание
от негатива*

ПСИХОЛОГИЯ ПОЗИТИВА :)

**Линн Лаубер
Уэйн Дайер**

**Великая мудрость прощения. Как
освободить подсознание от негатива**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955535*

*Великая мудрость прощения. Как освободить подсознание от негатива / Уэйн Дайер, Линн
Лаубер: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57601-2*

Аннотация

Ричард Бах когда-то написал: «Все люди и все события твоей жизни пришли в нее потому, что ты их притянул. Теперь тебе надо выбрать, как с ними поступить». Именно этого понимания не хватало Райану Килгору – герою книги международно признанного автора многочисленных книг и лекций по саморазвитию личности, доктора Уэйна Дайера.

Как часто мы страдаем из-за незаживающих душевных ран, пытаемся разобраться в них и залечить, чтобы жить дальше. Эта книга-самоучитель поможет всем, у кого в душе остались тягостные воспоминания прошлого, ожидающие прощения.

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Уэйн Дайер, Линн Лаубер

Великая мудрость прощения. Как освободить подсознание от негатива

Авторы книги не дают медицинских рекомендаций, не предписывают применения какого-либо метода для улучшения физического или эмоционального состояний, а также для лечения медицинских заболеваний без прямой или опосредованной консультации с профессиональным врачом. Авторы лишь преследуют цель сообщить читателям информацию общего характера, чтобы облегчить путь к достижению эмоционального и душевного благополучия. В таком случае вы можете воспользоваться приведенной в данной книге информацией для личных целей в соответствии с вашим конституционным правом, авторы и издатели не несут ответственности за предпринятые вами действия.

Данная книга – это художественное произведение. Все персонажи, имена, названия мест и события являются вымышленными. Любое совпадение с реальными событиями, местами либо с реальными людьми, ныне живыми или уже усопшими, совершенно случайно.

Глава I

*Прощение подобно аромату, что фиалка приносит в дар
растоптавшему ее.
Марк Твен.*

Церковь Согласия представляла собой одноэтажное здание из рыжевато-ржавого кирпича, похожее на бывший банк, – там даже было окно для обслуживания автомобилистов¹, сейчас оно было заколочено досками, и Райан Килгор заметил его, объезжая участок.

Он делал вид, что ищет место для парковки, но на самом деле просто выжидал благоприятный момент. Он уже провел много часов за рулем, движимый дьявольски сильным приливом адреналина. Но теперь, по приезде, в желудке жгло, и он был не уверен, что ему вообще стоит входить. Чего ему действительно хотелось, так это найти скамейку и понежиться на скупом, предосеннем солнышке; но на это не было времени.

В свои сорок пять Райан был поджар, чисто выбрит, с густой шевелюрой светлых, отличающихся серебром волос и холодными, как лед, голубыми глазами, в которых сквозила меланхолия.

Окружающие постоянно говорили ему: «Улыбнись, все не так уж плохо!» Но с точки зрения Райана они представления не имели, о чем говорят.

Он провел ночь в номере дешевого отеля на границе штата Мичиган и вот уже битый час колесил по этому небольшому городку, расположенному в пригороде Детройта, в поисках кафе. Однако, кроме закусочной «Макдоналдс», кофе выпить было негде. А это заведение ему категорически запретил посещать его сын Логан, который абсолютно точно знал, сколько граммов жира содержится в Большом Маке. Но страшно истосковавшись по кофеину и соленому, Райан подъехал туда и встал в очередь, по-улиточьи медленно продвигающуюся к окошку для обслуживания автомобилистов. В порыве отчаянного безрассудства он заказал большой стакан кофе, яичный кекс маффин и оладьи из отварного картофеля с луком. Не выключая двигателя в машине, он проглотил все это с жадностью прямо там, закапав жиром брюки. Затем, спрятав упаковочный пакет и стаканчик из-под кофе под сиденье, словно это были принадлежности наркомана, он вернулся на парковку, по которой уже проехал три раза.

Наконец припарковавшись, Райан опустил стекла и остался в салоне – сидел и наблюдал за тем, как к церкви маленькими шажками, опираясь на трость или на ходунки, вереницей тянулись пожилые люди, приглашенные на похороны. Мужчины были в мешковатых костюмах, пахнущих можжевельником и нафталином. Широкобедрые женщины с одутловатыми лицами были в темных очках, платьях в цветочек с маленькими жакетами или в просторных брючных костюмах с медными пуговицами. Он помнил подобного рода наряды с детства, когда сам ходил в церковь.

Прежде чем выйти из машины, Райан достал из кармана выцветшую фотографию, которую очень долго носил с собой. Его главным занятием на протяжении сорока с лишним лет был поиск человека, лицо которого было изображено на этой фотографии, – поиск его пропавшего отца.

¹ Через такое окошко можно получить еду в закусочной, осуществить элементарную банковскую операцию. Становясь в очередь из автомобилей, клиент, не выходя из машины, объявляет свой заказ в микрофон перед витриной с меню, а затем получает его в окошке. (Прим. перев.)

Была середина августа; теплый, пронизанный золотым светом день. Райан взглянул в зеркало заднего вида и постарался придать лицу солидное выражение – точь-в-точь как он делал, когда только начинал преподавать и перед уроками специально принимал строгий и властный вид. Он напряг подбородок и поднял брови, но почему-то у него не очень получилось. Когда он посмотрел в зеркало заднего вида, увидел, что выглядит явно хуже обычного – растерянным и изможденным.

На зеркале было написано белыми буквами: «Отраженные в зеркале предметы всегда кажутся ближе, чем они в действительности находятся».

Сначала он неправильно прочитал надпись, как «*более старыми*, чем они есть на самом деле». У него все время так получалось – он всегда неверно читал вывески и заголовки. Что же с ним такое происходит?

Рядом с Райаном на переднем сиденье лежало несколько открытых коробок, на которых спереди крупно черным шрифтом было написано его имя, а сзади размещена его фотография.

Д-р Райан Килгор,
Университет Святого Иоанна²
*АМОРФНАЯ ЗЕМЛЯ, ИЛИ КАК МЫ НЕУКЛОННО УНИЧТОЖАЕМ
КУЛЬТУРНОЕ БОГАТСТВО НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ.*

Вторая книга называлась «*Сбор данных по родовым ритуалам племени Майоруна в Бразилии*».

Эти книги были делом его жизни на протяжении более чем двадцатилетней преподавательской работы в Университете Св. Иоанна в Квинсе, Нью-Йорк, где он прошел длинный путь от адъюнкта, у которого был небольшой столик где-то в чужом углу, до настоящего профессора с собственным кабинетом и фотографией на веб-сайте колледжа, на которой он выглядел лучше, чем в действительности. Он преподавал социологию, экологию и энвиронику³. Однако докторскую степень он получил в области этнографии и культуры. Лучшим в преподавательской работе было то, что он мог распоряжаться большим исследовательским бюджетом, который позволял ему оставаться на исследовательской работе и много путешествовать. Научная степень нравилась ему еще и из-за престижности.

При любом удобном случае он добавлял научный титул «доктор» к своему имени, и ему очень нравилось, когда окружающие ошибочно принимали его за врача. Он никогда не поправлял их.

До сих пор написанные им книги были не слишком востребованы читателями. Преимущественно это были его же студенты, поскольку в книгах были тексты, которые были необходимы на занятиях. Возможно, это были далеко не самые лучшие в литературном отношении произведения, но он получал истинное удовлетворение, когда приходил на занятия и видел, что в классе сидят 20 студентов и держат в руках книги, на обложке которых крупным шрифтом было напечатано его имя.

Казалось, что больше никому не хотелось проводить время за подробным изучением преимуществ и самобытности непонятных племенных групп. Но именно эта тема и волновала Райана – угроза скорого краха цивилизации в том случае, если люди не осознают мощи и влияния древних знаний. Если же верить его жене Софи, то это не самая удачная тема для начала разговора. За последние десять лет их супружества у нее на лице обосновалось стра-

² Университет Св. Иоанна – частный католический университет в Бруклине, г. Нью-Йорк. Основан в 1870 г. Принимает преимущественно мужчин. Около 18 тыс. студентов. (Прим. перев.)

³ Наука об окружающей среде. (Прим. перев.)

дальческое выражение, которое в свое время было так характерно для его бывших школьных подружек.

Райан тешил себя надеждой, как он теперь понимал – слишком оптимистичной, что после публикации книг за его счет откуда ни возьмись появится издатель и ухватится за них. Так было принято считать у некоторых знакомых ему адъюнкт-профессоров на университетской кафедре, где он преподавал. И он тоже стал придерживаться этой точки зрения.

Но этого так и не случилось. Зато скопилось два шкафа книг, которые, вероятно, прочли от силы человек пятьдесят. У Райана было очень туманное представление о том, что он мог бы дать один из экземпляров своему отцу, который бы... что? Был бы совершенно потрясен и преисполнен высоких чувств из-за своего отверженного талантливого сына? Эта фантазия казалась слишком патетичной, чтобы ее лелеять. Райан набросил на коробки полотенце, словно хотел спрятать их от самого себя.

Зазвонил мобильный телефон, он глянул на номер. Звонила Софи. Когда он уезжал вчера утром, она была целиком поглощена предварительным тщательным планированием вечеринки по поводу девятого дня рождения Логана и, вероятно, хотела попенять ему за его полную безучастность к празднику сына. Он не стал отвечать на звонок, засунул телефон обратно в карман. Разберется с этим позже. У него и без этого хватает проблем.

Райан снова взглянул на выцветшее фото своего отца. Когда его фотографировали, он был крупным красивым мужчиной пятидесяти лет. Его привлекательность была несколько грубоватой; казалось, черты лица обветрились из-за постоянной непогоды. На фото он стоял рядом с грузовиком в белой ковбойской шляпе «стетсон» и сурово смотрел перед собой. Это и был Роберт Килгор, который однажды бросил Райана и всю семью.

О том, куда именно подался его отец и чем он занимался все это время, ходило много историй, порожденных отрывочными слухами и преувеличенными детскими фантазиями, которым предавались Райан и его братья будучи детьми.

Одна из версий гласила, что Роберт пересек всю страну, работая на ярмарках и карнавалах. По другим слухам, он трудился до седьмого пота то на одном из ранчо на Среднем Западе, то в гравийном карьере, то где-то на рыбоконсервном заводе на Западе.

«Бьюсь об заклад, он пилот», – сказал старший брат Райана Дэйв, когда мальчики сидели вместе.

– Вероятно, он работает на «Транс уорлд Эйрлайнз» или на одну из крупных компаний. Можно бесплатно летать по всему миру.

«Думаю, он служит в правоохранительных органах, – выдвинул свою версию самый старший из братьев Джим. – Не исключено, что под прикрытием. Может, занимается наркотиками. Уверен, у него под пиджаком кобура».

Райану, которому вообще было трудно представить отца хоть за какой-то работой, все эти предположения казались одинаково маловероятными. Но до него регулярно доходили скупые, отрывочные сведения, что у отца был невыносимый, взрывной характер, что он был страшно ревнив и питал пристрастие к джину – вот это он считал более правдоподобным. На протяжении многих лет мать наотрез отказывалась говорить об отце, лишь постоянно твердила, что он бросил их.

Глубоко вздохнув, Райан вышел из машины и направился туда, где проходила панихида. В часовне было прохладно, пол был застлан толстыми светлыми коврами, приглушенно звучал орган. В разных залах для прощания, которые назывались «Упокоение» и «Безмятежность», притихшие люди собирались небольшими группками или сидели на складных стульях. В большинстве часовенок был установлен экран, на котором в определенной после-

довательности появлялись изображения усопших. Райан заглянул в один из залов, где в гробу лежал человек в сером костюме, а на экране безмолвной чередой проплывали его фотографии – младенческие, школьные с выпускного вечера и свадебные, на которые, похоже, никто даже не смотрел.

У бабушки Райана ничего такого не было. Войдя в зал «Безмятежность», Райан увидел доску объявлений, на которой канцелярскими кнопками были прикреплены несколько выцветших моментальных фотоснимков. Панихида по бабушке уже началась. Райан склонил голову, стараясь не привлекать к себе внимания.

Впереди в мерцающем свете пламени свечей священник торжественным тоном вещал о воздаянии, материнской верности и набожности, отчего складывалось сильное впечатление, что он говорит о какой-то абстрактной пожилой женщине, с которой сам никогда не был знаком.

Райан взял программку у раскрасневшейся распорядительницы с темно-накрашенными губами, в белой гофрированной блузке и с серьгами в форме колец. Она пристально посмотрела на него, словно на знакомого. *«Покойся с миром!»* – так было написано в украшенной виньетками из лилий программке, где было помещено нечеткое фото женщины, при виде лица которой Райан пришел в полное смятение.

Энн Мэри Килгор. На фотографии бабушка была снята по плечи, возможно, фотографировалась для церкви. Бледное лицо, изборожденное морщинами, с мрачным выражением, было обращено к фотографу. Казалось, она говорила: *«Вот я такая! Мне все равно, что вы думаете!»* Райан быстро уселся в заднем ряду.

Итак, он снова встретился с ней, матерью своего отца, которую не видел «во плоти» более сорока лет. Как-то вскоре после исчезновения отца мать возила его на пикник, чтобы хоть немного компенсировать отсутствие семьи. Там была и бабушка.

В его памяти Энн Мэри осталась сухопарой и желчной женщиной, мало похожей на бабушку, о которой он мечтал. Когда он обнимал ее, ему казалось, что он обхватывает руками большой моток жесткой проволоки.

Что можно было сказать о жизни, которую прожила Энн Мэри Килгор? Судя по церковному бюллетеню, не слишком много, исключая, пожалуй, дату ее появления на свет и бракосочетания, а также перечень рожденных ею детей, вторым из которых был неведомо куда сгинувший непутевый отец Райана.

Изысканный гроб, достойный королевских особ, с телом бабушки Энни выставили для прощания вблизи первых рядов, но ее одутловатое лицо было видно даже с задней скамьи. Райан встал и мелкими шажками вместе с другими приглашенными начал продвигаться по проходу, внимательно рассматривая все вокруг. В зале было множество венков и декоративных панно из цветов, которые редко встречаются в природе, тем более в подобных сочетаниях – огненно яркие гладиолусы, гвоздики с сильным пряным запахом; восковые лилии с назойливо-дурманящим, приторным ароматом. После крепкого утреннего кофе и жирной пиццы Райану стало дурно.

Похоже, модель гроба была одной из самых элитных – атласная обивка, материал, напоминающий титан, – словом, настоящий космический корабль, предназначенный для доставки бабушки Энни в мир иной.

Кто и зачем оплатил всю эту роскошь для женщины, которая при жизни наверняка ни разу не притрагивалась к настоящему атласу? Если память Райана не подводила, то его бабушка всегда носила домашние халаты, фартуки и изношенные туфли.

Почему никто не купил ей цветы или меховую шубу, когда она еще была жива и могла порадоваться подарку? Какой смысл облачать ее в атлас теперь, на пороге вечности, или что там еще ждало впереди?

Он перестал об этом думать. По словам Софи, он всегда поступал именно таким образом перед лицом глубокого чувства – отстранялся, отгораживался иронией и доводами рассудка.

«Ты ведешь себя словно персонажи из твоих книг по антропологии, которым ни до кого нет дела», – упрекала его жена.

«Представления не имею, что ты хочешь сказать», – холодно отвечал Райан.

«Ха! – продолжала она. – Вот ты опять за свое! Смотришь на остальных свысока. Считаешь, что видишь всех насквозь и что сам лучше других».

«Но это же смешно!» – возражал Райан; но так и не мог переубедить ее и поэтому оставил любые попытки это сделать.

Вообще-то даже его жена была бы невероятно удивлена, узнай она, какого невысокого мнения он о себе был; сколько неуверенности скрывалось под внешним высокомерием и до какой степени его стремление непременно доказать свою правоту, одержать победу в споре было продиктовано жадой одобрения и тоской по близости.

Райан вдруг осознал, что в этом зале, вероятно, много его двоюродных братьев и сестер, племянников и племянниц, а также теток по бабушкиной и дедушкиной линии. Но, по правде говоря, у него не было особого желания встречаться ни с кем из них – все его мысли были сосредоточены на одном лице. И если ему не суждено свидеться с отцом, он не хочет видеть и никого другого. За исключением своей бабушки, умершей, по его мнению, после 89 лет тяжелой и полной разочарований жизни.

И вот Райан стоит перед бабушкой Энн – застывшее, окаменевшее лицо, сложенные на груди руки. Шелковое синее платье, крест, жемчужные серьги. Ее видно по поясу. Нижняя часть тела задрапирована, словно она слишком изуродована или хрупка, чтобы предъявлять посторонним взорам.

Выражение лица со временем смягчилось, но по-прежнему осталось сердитым, будто кто-то ножом высек на нем скорбные складки.

И что бы Райан ни чувствовал ныне, это была и его плоть и кровь; ее ДНК служила подтверждением существования его отца. В морге ее гримировали, уложив в высокий шиньон тугие седые локоны, слегка коснувшись губ розовой помадой и покрыв щеки каким-то совершенно неизвестным Райану средством. Оставшись с покойницей наедине на какое-то мгновение, Райан протянул руку и коснулся ее предплечья, о чем тут же пожалел. На ощупь ее тело напоминало цемент, твердый, прикрытый замороженной кожей. А ведь что такое жизнь, если не тепло и кровь?

Он закрыл глаза. «Привет, Ба!» – прошептал его внутренний голос, словно донесшийся из прошлого и ждущий, что в ответ она бросится в его объятия. Он снова открыл глаза – вид был еще ужаснее и печальнее.

Райан отвернулся и нервно начал вглядываться в толпу; проходя мимо выложенного в форме сердца декоративного панно из желтых роз с надписью из цветов «Маме», он подумал, что непременно нужно было прислать цветы.

Он почувствовал, что кто-то или что-то следят за ним откуда-то сверху – наподобие небесной камеры наружного наблюдения. Примерно такое же ощущение он испытывал, примеряя одежду в гардеробной. Он пристально осмотрел балки под куполом часовни. Ничего.

В первом проходе у боковых рядов Райан заметил крупного седовласого мужчину, стоявшего к нему спиной и суетливо возившегося с программкой. Райан снова взглянул на фото отца. Может, это он?

Он придвинулся поближе, пытаясь лучше его рассмотреть. Как он поступит, если после стольких лет встретится с отцом? Что скажет? Устроит сцену, унизив его за всю перенесен-

ную боль и страдания? Или разрыдается, не в силах вымолвить ни слова, скрыть свой гнев и тоску?

Сегодня у него не будет ответов на эти вопросы.

Мужчина поднял голову, Райан увидел небольшие, близко посаженные, темные глаза и мелкие черты на маленьком с кулачок лице. Нет, снова не он.

Райан продолжал разглядывать толпу, когда присутствующие стали расходиться.

Его взгляд упал на женщину по ту сторону прохода. На вид ей было лет шестьдесят, у нее была короткая стрижка, небрежно уложенные волосы, подтянутая фигура и излучающие тепло глаза, судя по их выражению, она его вроде бы узнала. Она слегка улыбнулась. Это была Дороти Стаутен, младшая сестра отца. Слишком взволнованный Райан не хотел ни с кем говорить; он быстро повернулся и направился к выходу из часовни, обратно к машине.

Дороти нагнала его уже на парковке.

– Райан, это ты? Постой!

Он остановился и повернулся.

«Я тебя едва узнала», – произнесла она.

Несмотря на скорбь, Райан обиделся. Что она имела в виду? Несомненно, он был в значительно лучшей форме, чем большинство из присутствовавших на панихиде мужчин, у которых толстые животы свисали над белыми брючными ремнями, а карманы оттопыривались от засунутых туда пачек сигарет.

На протяжении двадцати лет Райан до изнеможения занимался в гимнастическом зале колледжа, словно готовился к катастрофе, для которой необходимо быть в хорошей физической форме. Раньше он верил, что это помогает ему повысить иммунитет и хорошо укрепить здоровье и никогда не говорил Софи правду – что, несмотря на все эти тренировки, его последнее обследование выявило зашкаливающий уровень холестерина и очень высокое содержание триглицеридов.

«Как *это может быть?*» – спросил он у врача.

«Это по большей части наследственное», – ответил доктор, то есть он сказал именно то, чего Райан как раз слышать не хотел. Врач и не подозревал, насколько неприятными эти слова были для Райана. Он, может, и стремится разыскать отца, но это не значит, что он хотел бы унаследовать хоть одну его черту.

В действительности все, что он делал в жизни до сих пор – брался за любую изнуряющую работу в общеобразовательной школе, посещал скучные занятия, чтобы получать свои почетные степени и звания, каждый доллар, что он экономил по программе страхования 401K⁴, – все это он делал из чувства противоречия своему отцу, чтобы доказать, что в отличие от отца он был знающим и образованным, а не бездеятельным или безответственным.

Райан гордился своей карьерой в колледже, своей верностью Софи, умением вести финансовые дела и своими принципами родительского воспитания: твердыми, но без того, что он считал насилием над личностью.

Разумеется, у него были и другие не столь превосходные черты характера. И Софи с радостью напоминала ему об этом: он был нетерпелив, раздражителен и пренебрежительно относился к окружающим. Но кто из нас совершенен? Он старался играть как можно лучше теми картами, что сдала ему судьба. Разве не так?

Из раздумья его вывел голос Дороти.

«Мы и понятия не имели, что ты приедешь, дорогой! – продолжала она. – После панихиды все собираются дома. Почему бы и тебе не заехать?»

⁴ Пакет страховок 401K, в который входит пенсия, медицинская страховка и т. д. (Прим. перев.)

– Извини, тетя Дороти. Спасибо, но я действительно не могу. Я лишь ненадолго заскочил, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Не было ни малейшей причины, по которой ему не следовало заезжать в дом. Наоборот, именно это ему и нужно было сделать, учитывая, что он провел в пути целых шесть часов, чтобы добраться до этого богом забытого городишки. Но замечание, что она не сразу его узнала, сильно уязвило его.

«Ну, твоя бабушка была бы рада узнать, что ты проделал весь этот путь сюда, чтобы попрощаться с ней, – сказала Дороти. – Вот что важно».

За спиной у Дороти открылась дверь церкви. Райана захлестнула тревога, но затем утихла. Он увидел, что это девочка-подросток.

Он нервно сглотнул и взглянул на Дороти. Ему пришлось спросить: «Мой отец здесь, верно? Я его нигде не заметил».

Дороти сочувственно взглянула на него. Очевидно, у нее были свои основания переживать из-за брата.

– Нет, его здесь нет. Так ты поэтому приехал?

– Ну, я подумал, что у него хотя бы проснется совесть и он, может быть, покажется на похоронах собственной матери. Что ж, я ошибся.

Дороти тихо и печально рассмеялась.

– Знаешь, а может, он боится.

– Чего боится? Какого черта ему должно быть страшно?

– Например, встречи с тобой!

«Можно подумать, он меня узнает», – заметил Райан.

«Или твоих братьев, – продолжила Дороти. – Или, и того хуже, твоей матери».

– А вот этого действительно стоит опасаться. Она бы его засадила за решетку как пить дать!

– Кстати, а как она поживает?

Райана стоял и молчал, охваченный противоречивыми чувствами. Правду ему говорить не хотелось – что у его матери, снова вышедшей замуж, дела обстояли хуже некуда. «Вполне сносно, – солгал он. – По крайней мере, гораздо лучше, чем когда ей приходилось одной без гроша заботиться обо всех нас».

«А как бы ты поступил, *если бы он приехал?*» – поинтересовалась Дороти.

– Точно не знаю. Наверное, поговорил бы с ним.

Она смотрела на него так, словно не верила ни одному сказанному слову:

– Правда, а о чем?

Ее любопытство понемногу начало его раздражать.

– О многом, уж ты мне поверь.

Какое-то время он пристально смотрел ей в лицо.

– А ты знаешь, где он сейчас?

Стараясь не смотреть ему в глаза, она отрицательно покачала головой.

Они молча стояли рядом, а мимо проходили вновь прибывшие, преимущественно пожилые женщины с кастрюлями, завернутыми в фольгу. Райан подумал, что, должно быть, в церкви одновременно проводили сразу три или четыре похоронных церемонии. В воздухе пахло макаронами, сыром и мясным хлебом. Этот аромат навеял воспоминания детства о семейных трапезах, еще до того, как семья развалилась.

Дороти добавила:

– Я очень рада, что ты приехал, Райан, даже если ты не можешь остаться. Знаешь, никто из членов семьи не общался с твоим отцом уже много лет. Может, это и к лучшему. Для всех.

– Другими словами, ты знаешь, где он, но не собираешься мне говорить. Ладно, я понял.

Он резко повернулся и рывком открыл дверцу машины.

«Погоди немного! Постой! – вздохнула Дороти, словно решившись на что-то в глубине души. – В последний раз, когда я общалась с твоим отцом, он был в Калифорнии».

Райан повернулся в ее сторону:

– В Калифорнии? А где?

– Он тогда только что вышел из тюрьмы и со своей сожительницей жил в каком-то городишке, Герни как, бишь, его там, может, Гернвилль? Учти, это было много лет тому назад. Вероятно, семь или восемь. И кто знает, где он теперь?

– А за что он попал в тюрьму?

Дороти отвела взгляд.

– Кажется, за оскорбление действием. У него всегда была склонность вымещать зло на женщинах. По крайней мере, мне так говорили.

Райан нервно расхаживал, стараясь успокоиться. То, что поведала Дороти, не слишком его удивило, но к горлу подступила горечь.

А правда заключалась в том, что после всех этих долгих лет Райан все еще не хотел верить, что его отец мог существовать, так ни разу и не пообщавшись с ним.

Он часто проводил время, стараясь уяснить для себя, было ли у Роберта в молодости что-нибудь, что могло предвещать или обуславливать его неудачи и предательство. Может, ему уделяли мало внимания или его били? Но Райану никто не мог рассказать об этом. Похоже, даже Дороти была не в курсе.

«Знаешь, отец пил, а мать была не слишком общительной, но они о нас заботились, – так ответила она, когда Райан спросил ее. – Они всегда были поблизости, хотя и не слишком участливы. Кроме этого, не было ничего необычного».

«С другими детьми все обстоит благополучно, верно?» – спросил Райан.

– Кроме твоего отца, никто не то что в тюрьму не попадал, но даже и не разводился. Не стану утверждать, что мы самая счастливая семейка на свете, но вполне нормальные.

Уж если из всех живущих в этом мире сестра отца не могла помочь ему разобраться, то тогда кто поможет?

«Слушай, мне жаль, что я тебе нагрубил, – извинился Райан. – Мне просто хотелось бы...»

Дороти подняла руку в знак протеста.

– Знаю, несмотря на ужасные поступки, которые он совершал, он все же мой брат, понимаешь? У меня достаточно оснований для обид.

Она тронула его за руку.

– Счастливо, и береги себя, дорогой!

– Ладно.

Райан сел в машину, затем опустил стекло.

– Рад был повидаться, тетя Дороти. Надеюсь, в следующий раз увидимся при более благоприятных обстоятельствах.

Он завел двигатель, и автомобиль резко тронулся с места.

Глава II

Гнев добрых людей – это не что иное, как настоящая потребность прощать.

Пьер Огюстен Бомарше

Ужасные поступки, которые он совершал. Эти слова постоянно вертелись у него в голове, когда он стремительно ехал прочь, вливаясь в поток машин на автостраде. Он не понимал, что именно имела в виду Дороти, но что касается Райана, его отец совершил лишь один непростительный грех – бросил своих детей и жену. Это было его главное преступление, повлекшее за собой остальные трагические события – ухудшение состояния здоровья матери, ее отказ от прав на Райана и его братьев, когда их пришлось сдать в детский дом, потому что она была не в состоянии сама ухаживать за ними и воспитывать их.

Его разлучили с двумя родными братьями – их отправили в один приют, его – в другой. Райану не повезло: он попал в приемную семью безработного машиниста и его жены – к одиозным супругам по фамилии Лузи.

Жили они в двухэтажном домике на две спальни в глухом переулке рядом с железной дорогой. Райана поселили в одной комнате с еще четырьмя приемными детьми. Спали все вместе на одном маленьком, грязном матрасе. В довершение всех несчастий в доме был лютый холод зимой и настоящее пекло летом. Крыша протекала. Всегда стояла омерзительная вонь – пахло плесенью, грязными ногами, канализацией и мышами.

У Райана ушли годы, чтобы понять, что Лузи были отъявленными мошенниками, чья главная задача сводилась к тому, чтобы собирать приемных детей и жить на полагающееся на их воспитание ежемесячное социальное пособие.

Но никто в жизни бы об этом не догадался, видя представление, которое миссис Пег Лузи устраивала на людях. Она брала мальчиков за руки, ласкала их и всех называла лапочками. А в действительности причина была в том, что она просто все время забывала, как их зовут.

Но в кругу семьи все обстояло совершенно иначе. В ящике со льдом было полным-полно коричневых бутылок с элем. На кухне на гвозде висел изрядно потрепанный от частых порок ремень для устрашения непослушных. Лузи любили выпить и поиграть в карты, усаживая детей перед шатким черно-белым телевизором с бутылками колы и паке-тиками сырных палочек.

С раннего возраста Райан подружился с одним из своих сводных братьев по имени Кенни, низкорослым мальчиком, с дефектом речи, которому нравилось собирать модели самолетов. Они с Райаном частенько беседовали по ночам о том, чем займутся, когда вырастут. Кенни мечтал стать автомобильным гонщиком. Но Кенни недолго пробыл у Лузи; через несколько месяцев он самым загадочным образом бесследно исчез, и о нем больше не было ни слуху ни духу. Впервые в жизни Райан написал письмо, адресованное Кенни, но оно месяцами валялось и пылилось на телефонном столике. Миссис Лузи все обещала его отправить, но так и не отправила, а потом его просто выбросили. И после этого у Райана больше не было близких друзей среди так называемых сводных братьев. Он плохо помнил остальных детей, состав которых постоянно менялся. Они остались у него в памяти как несчастные создания, у которых рот был вечно перепачкан оранжевым красителем, потому что вместо завтрака и ужина они все время ели сырные сэндвичи.

Безрадостные годы, проведенные в семействе Лузи, сильно повлияли на формирование личности Райана, нанеся ему тяжелую незаживающую душевную рану.

Он был не в состоянии говорить обо всех унижениях жизни у приемных родителей даже с психоаналитиком. Он не знал, с чего начать.

Но благодаря этим лишениям он вырос целеустремленным, у него сформировалось стремление к успеху. Он поклялся, что никогда больше не будет зависеть от других, что добьется официального признания и получит образование, что позволит ему стать самодостаточным и преуспеть.

Он постарался гнать мысли о своих сиротских травмах подальше, спрятать их в потаенном уголке души, крепко запереть на замок и привалить дверь огромным камнем. И все-таки в самые неподходящие моменты эти воспоминания вдруг всплывали на поверхность, причиняя такую боль, что казалось, все это приснилось в кошмаре или случилось с кем-то другим.

И вот теперь они снова нахлынули на него, когда он пересекал границу между штатами по дороге на запад – возможно, для одинокого водителя это было чересчур длительным путешествием. А в попутчики к нему навязалось слишком много привидений.

Он снова вспомнил промозглые ночи, когда нечем было укрыться, а одеяла не грели; скудную пищу, когда от сильного голода спазмами сводило желудок и, едва оставшись один, он готов был есть что угодно – открывал холодильник и запихивал в рот все подряд: майонез, маргарин, кукурузный крахмал, чтобы только набить живот. И потом эти порки, которые мистер Лузи мог задать в любой момент, не удосуживаясь объяснить причину. Чем он провинился? Что сделал не так? Дерзил в ответ, слишком громко разговаривал или, наоборот, молчал? Но тяжелее всего было полное одиночество. Он никому по-настоящему не был нужен, никто и нигде не заботился о нем, никто не смотрел на него с любовью или гордостью.

Он не собирался мстить этим отвратительным Лузи. Он был просто рад никогда больше не видеть их после того, как ему стукнуло семь лет и на пороге их дома появилась его мать, похожая на собственный призрак; забрала его после пятилетнего отсутствия, словно просто отлучилась куда-то на пять дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.